

Жэнь Ифэй прошел мимо группы монахов, распевающих сутры, мужчин и женщин, которые сжигали бумагу, и подошёл к гробу.

Мужчина средних лет перед гробом поднял лицо. Оно было честным с искренней скорбью, видимой на поверхности, и сказал с охрипшим от плача голосом: «Это А Фэй. Ты здесь, чтобы поднести своей бабушке ладан?»

Жэнь Ифэй посмотрел на него и сказал: «Да».

Сказав это, он положил руки на крышку гроба и начал толкать изо всех сил, крышка гроба с грохотом соскользнула, ударив свечу и масляную лампу сбоку, и масса пламени вспыхнула. Из пламени вылетело множество мух, и распространился запах труп.

Наступила тишина.

Как будто полночь наступила рано.

Жэнь Ифэй одной рукой схватил за воротник лежащего на земле мужчину средних лет, стиснув зубы, потащил его к гробу. Когда мужчина средних лет увидел тело в гробу, кишасщее личинками, он громко заплакал и отчаянно начал брыкаться ногами.

«Семидневное бдение, пение монахов, золотые и серебряные дома, большие паланкины, большие лошади; какой красивый пейзаж, ах».

Толпа была так удивлена, что вскочила, чтобы схватить ноги А Фэя: «А Фэй, что ты делаешь? Это неуважительно!»

А Фэй, казалось, был прибит туда, но также как жесткая зеленая сосна, застрявшая на краю обрыва, и несколько человек прыгнули на нее и не смогли его оторвать.

«Но это для мертвых? Это для живых!» Жэнь Ифэй надавил на него и напряг мышцы рук. «Дядя, посмотри хорошенько. Посмотри внимательно. Это твоя мать, которую ты задушил собственными руками. Убийца платит своей жизнью, а как насчёт человека, который убил собственную мать?»

Траурный зал был на грани беспорядка, но как только Жэнь Ифэй сказал это, снова воцарилась тишина.

Люди, державшие Жэнь Ифэя, разжали руки и с недоверием посмотрели на мужчину средних лет.

Мужчина средних лет был так пристыжен, что не смел смотреть на других. Женщина средних

лет закрыла лицо руками и рухнула на землю.

Нет необходимости больше говорить о том, как идут дела.

Старик задрожал, взял костыль и сильно ударил им: «Животное!»

Ку-ка-ре-ку

Луч небесного света внезапно осветил помещение, рассеяв тьму, давившую на головы людей.

Свет падал устрашающе плоско, падал на гроб со снятой крышкой и на людей, которые в этот момент замерли.

Игроки в толпе уставились на внезапную перемену в мире.

Под громкий крик петуха наступил рассвет.

Бесчисленные образы наложились перед ее глазами, и глаза бабушки Чун Чжи расширились, когда нахлынули похожие воспоминания.

«Это был не первый раз». Это был не первый раз, когда она столкнулась с этим.

Похожие ночные сторожа, игроки, развитие. Ее жизнь похожа на пьесу, написанную другими, разыгрываемую неоднократно, каждый раз с настоящими чувствами и каждый раз одиноким концом.

Кроме этого времени.

Тень А Фэя на гробу была во весь рост, высокий и прямой, как сосна.

«Оказывается, что он уже не подросток, а человек, который может держать небо и землю». – бабушка Чун Чжи перестала беспокоиться о том, правда это или ложь, но думает только о том, что это молодое поколение, которое она видела взрослеющим.

Разве он не знает, что игра окончена? Разве он не понимает, что уже прошел игру, когда ее имя было раскрыто?

Бабушка Чун Чжи вдруг вспомнила, как сильно ей нравился юноша со светом в глазах в те дни.

Когда вы видите свет, вы видите надежду.

«Ха-ха-ха»

В тихом зале, сухой и хриплый, как ржавая железяка, прозвучал смех бабушки Чун Чжи.

Она смеялась и плакала, и ее обиды превратились в красные слезы.

Столько лет, столько лет!

Так давно, она думала, что лицемерна, что она это заслужила, что она виновна и заслуживает наказания.

Но она просто не отпускает!

Всю жизнь она много работала и была единственным человеком, ответственным за поддержку семьи, но в конце концов заслужила смерть, потому что мужчина сорвал кусок ее одежды и украл ее нижнее белье¹.

Она хочет справедливости! Есть справедливость в жизни и справедливость в смерти!

Бабушка Чун Чжи подбежала к двери траурного зала.

Солнце прорвалось сквозь слои темных туч, разбиваясь на тысячи лучей и заливая мир дневным светом.

Она шла во тьме, не зная, где она, жива она или мертва. Но дорога наконец подошла к концу.

Предметы, удерживавшие ее в темноте, растворились в воздухе, и бабушка Чун Чжи посмотрела на ясное голубое небо с расслабленным видом.

«Сейчас рассвет».

«Ты не NPC?!» Рот Сяо Мэй был открыт так широко, что в него могло поместиться яблоко.
«Боже мой...»

Она вспомнила, как другой человек ел бобовую кашу, когда она голодала.

Она снова подумала о своих налитых кровью глазах, наблюдая за человеком, лежащим на отдыхе, и NPC, который накрыл его пальто.

Сяо Мэй, казалось, была рождена, чтобы есть лимон². Лимонный сок стекал из уголков ее глаз.

Дворник на мгновение остолбенел, всё ещё не понимая, как все это произошло.

Почему этот человек поднял крышку гроба? Почему босс так взволнован? Почему игра окончена?

Почему, почему, почему?

О чем это все?

Игрок-ветеран, "осветитель ламп" был спокоен; он уже понял, что происходит.

Выяснить, что монах — призрак, а затем обратить его вспять так же просто, как решить математическую задачу в начальной школе. Если бы не сбивающий с толку вариант девятого лица, они бы узнали это в первую очередь.

Он ограничен своими собственными мыслями и не ожидал, что с боссом в игре для новичков будет так сложно иметь дело, она действительно научилась проделывать этот трюк, чтобы обманывать игроков.

По сравнению с тем фактом, что монах был боссом, "осветитель ламп" был больше потрясен тем, что девятый человек не призрак.

Как он мог так прекрасно замаскироваться? Спрятавшись среди NPC и даже обманув «призрака», который был прекрасно знаком с этим миром.

Это... действительно не обман?

Как только взошло солнце, все NPC превратились в белые восковые фигуры, и стояли в разных позах.

Жэнь Ифэй отпустил, отбрасывая руку³.

«Как тебя зовут?» — спросила его бабушка Чун Чжи.

«Фэй».

«Твое настоящее имя».

«Мое настоящее имя — А Фэй». Жэнь Ифэй или А Фэй, не было никакой разницы.

— Что с тобой, сынок?

У бабушки Чун Чжи было доброе лицо старика, ее глаза были полны восхищения, как будто она смотрела на своего внука: «Я никогда раньше не видела такого игрока, как ты. По сравнению с тобой смерть всех других игроков не стоит жалости.»

Другие игроки, чья смерть не стоит жалости: .....

«Отсутствие справедливости заставило меня чувствовать себя немного огорченной и обеспокоенной, я вела себя несколько грубо и позволила тебе увидеть что-то смущающие». Жэнь Ифэй выпрямился, используя пальцы как расческу, и схватился за волосы. Улыбка у него была совсем не такая, как у А Фэя; она была безразличной и излучающей нежный свет.

«Протяни руку». — сказала бабушка Чун Чжи.

Жэнь Ифэй не был уверен, но все же протянул руку.

Бабушка Чун Чжи долго смотрела вокруг, глядя на знакомые и незнакомые лица, любовь и ненависть, все они казались восковыми, когда освещались светом.

Она облегченно улыбнулась. «Да будет так».

Сказав это, ее фигура превратилась в световой шар и быстро сжалась в невесомую карту, прежде чем приземлиться в руку Жэнь Ифэя.

Новички понятия не имели, что это такое, они только чувствовали, что это было волшебным и довольно круто⁴. У единственного игрока-ветерана глаза вылезли из орбит: Ка-карта призрака?

Клэнг!

Осветитель ламп выбросил горшок с маслом и побежал к Жэнь Ифэю.

Жэнь Ифэй сразу же убрал карту, улыбаясь, с бдительным взглядом: «Что ты хочешь сделать?»

Осветитель ламп не знал, что он хотел сделать, он был так потрясен, что подсознательно бросился к нему.

Он уставился на Жэнь Ифэя, там была пара глаз и рот, ничего особенного, ах. Как он заставил босса самоуничтожиться, чтобы дать игроку карту?

«Не пойми меня неправильно», — осветитель ламп остановился в полуметре от Жэнь Ифэя. «Я

не имею в виду ничего плохого. Я просто хочу подружиться».

«Я не завожу друзей».

«Кто стоит за тобой?»

Жэнь Ифэй улыбнулся: «Кто стоит за мной? Я не понимаю, я новичок».

Сяо Мэй все еще жевала кислые

лимоны: посмотри на меня, я новичок, кого ты хочешь унижить, когда заявляешь, что новичок?

Осветитель ламп сказал: «Тогда давай станем друзьями и поиграем вместе в будущем»

«Нет, — показал глазами Жэнь Ифэй, — друзья хороши только для убийства».

Они проследили за его взглядом туда, где раньше сидела "жена старшего внука". Связав это с тем, что старший внук вернулся один, все поняли смысл его слов.

«Я не такой, как он. Мы разные. Ничего, забудь об этом, — подумал осветитель ламп, — можно мне взглянуть на эту карту? Можешь поддержать ее, чтобы я посмотрел? Мы можем обменяться информацией».

Глаза Жэнь Ифэй стали еще более странными. Он вздохнул: «Я не думаю, что так же хорош, как ты, я образованный человек — ты знаешь, существуют культурные ограничения».

«Какие культурные ограничения?» Это как-то странно прозвучало.

«Все дело в лице».

Осветитель ламп:.... что ты имеешь в виду?

Жэнь Ифэй говорил ерунду, он просто тянул время.

Он никогда не стеснялся предполагать в людях самое худшее, так называемое сообщество игроков, вероятно, было хуже того круга, в котором он жил раньше.

Какой бы грязной ни была индустрия развлечений, он по-прежнему соблюдает закон — или, по крайней мере, на первый взгляд, иначе как могут существовать такие вещи, как негласные правила?

Скрытые правила, негласные правила, разве это не сомнительные правила?

Игрокам не пришлось долго ждать.

Бабушка Чун Чжи сказала, что осталось четверть часа, и действительно, это было четверть часа. Когда пришло время, он почувствовал себя так, будто его выбросило из скоростного поезда, и небо закружилось. Также казалось, что его бросили в стиральную машину и вытряхнули его мозги.

Было ли время вернуться?

Жэнь Ифэй закрыл глаза.

***

В небе над мысом Запустения еще одна пространственная рыба превратилась в разноцветную дымку, указывая на то, что босс был побежден и превратился в «карту-призрак».

Те, кому довелось это увидеть, завидовали и жалели себя: смогу ли я получить карту призрака при жизни?

***

Синий, оранжевый и металлический свет струились сквозь чистые белые облака.

Ветер принес запах влажной земли и травы.

Его тело окружали высокие сорняки и маленькие непонятные цветы.

Маленький красный жук сел ему на кончик носа, вздрогнул от его дыхания, взмахнул крылышками и улетел в кусты.

Жэнь Ифэй лежал на земле, сложив руки на животе, красная веревка на его запястье светилась.

«.....»

Меня что, бросили в глуш?

Одетый в белые одежды, лежащий в пустыне, что за сюжет разворачивается?

Он не торопился вставать, заложил руки за голову, закрыл глаза и глубоко вздохнул. На кончике носа были капельки росы с кончиков травинок, запах рассеялся солнечным светом. Он чувствовал себя ленивым, когда его тело купалось в солнечных лучах, как будто он лежал на сохнувшем одеяле, оно было пушистым и мягким.

Звуков много, но не шумных, едва уловимых: дуновение ветра, шелест цветов и листьев, перешептывающихся друг с другом. Звуки шли с далёкого расстояния вплоть до сюда.

Ветер принес запах природы, далекой от места проживания людей.

Он лежал на дикой траве. Его черные волосы были рассыпаны на земле, словно нити лунного света сквозь тихую долину.

В какой-то момент рядом с ним появился ежик, схватил в лапу дождевого червя, жуя и пуская много пенны. Затем он использовал пенну, чтобы очистить иглы на своем теле, а его маленькие глаза странно посмотрели на Жэнь Ифэя.

Жэнь Ифэй медленно повернул голову, чтобы посмотреть на него. Глаза его были ясны, как снежный ручей.

«Добро пожаловать в прекрасный мыс Запустения, сообщество игроков. Уважаемый игрок 95XX27, я ваш эксклюзивный дух-проводник, который всем сердцем к вашим услугам».

Как только он сел, его чуть более длинные волосы рассыпались, изогнулись вокруг впадины ключицы и упали на его блестящую белую кожу.

С этим тихим голосом неизвестного происхождения перед ним появился белый световой экран с несколькими строками простой информации:

Номер игрока: 95XX27

Жизни игрока: 3

Код игрока: Нет (обязательно для заполнения)

Очки игрока: 10

Репутация игрока: список потенциала восходящей звезды 157

***

1. Может показаться безумием, что могут быть предприняты такие крайние меры, особенно по отношению к жертве, однако, как правило, это относится к жертвам сексуального насилия. Там это табуированная тема, кроме того, действие этого мира происходит в республиканскую эпоху в Китае (1912-1949), поэтому они более экстремально относятся к этим темам.

2. Поедание лимона также является выражением зависти, как употребление уксуса.

3. Он держал мужчину средних лет

4. 不明觉厉: bù míng jué lì - хотя я этого не понимаю, это кажется довольно удивительным (интернет-сленг)

***

От переводчика: Я хочу вам сообщить, что я подниму (думаю, что вы уже это заметили) цену за главу с 4 до 5р, так как перевод одной главы данной новеллы занимает очень много времени и иногда мне морально тяжело переводить. Мне безумно нравится это произведение, но из-за проблем с взятием текста для перевода я его достаточно долго перевожу. Возможно некоторые главы будут стоить 4р, поэтому я убрала абонементы, но оставила скидку в 10 %.

<http://bllate.org/book/15647/1398969>